

издательство, которое, оказывается, плохо представляет себе основные несущие конструкции того величественного здания, которое зовется русской литературой XIX века. Правда, и авторы учебников — ученые, облеченные столь высоким доверием, могли бы, наверное, как-то более внимательно и плодотворно подойти к воплощению в жизнь идеи преемственности, верности традициям, столь свойственной отечественной литературе, и, естественно, без потерь «состыковывать» пособия, по которым протекает единый процесс обучения, идейного воспитания студентов.

Петербургская квартира Некрасова... Даже по снимкам видно — светлая и достаточно просторная. Как много значила эта квартира поэта и редактора для российской словесности! «Сколько споров слышали эти комнаты, скольких благодарностей и упреков, дружеских приветствий и резких угроз, сближений и расхождений были они свидетелями! — вспоминал современник Некрасова П. Гейдебуров. — История этих комнат есть история литературных отношений целой эпохи, история русской журналистики». Так что, как видим, уже в прошлом веке понимали, что даже без отдельного периода жизни Некрасова нет истории нашей литературы.

Но самым обширным и святым музеем под открытым небом, вечным обиталищем Поэта, бескрайним пристанищем его мятежного и гармоничного духа являются «пологие холмы» и «неудобные поля» среднерусской полосы, «серебряные блюда» озер, стоящие «на ровной скатерти лугов», города и веси, перелески, большаки и проселки, где ходил Некрасов, где проходим сегодня мы, чтобы поклониться памяти поэта и проникнуть сердцем и взглядом те просторы, что открывались ему.

...Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела,
К тебе, моя родная сторона!

Ныне мы ни за что не согласимся с начальными строками этого признания: нет, поступь поэта была тверда, и песня его через самопожертвование пришла к народу, чтобы никогда не кануть в этих возрожденных пространствах. Но великий мудрец и радатель за народное счастье и в горькие минуты сомнения дарует нам свет надежды, подсказывает единственно верный путь: человек, даже если ты не совершишь великих деяний, не удостоишься славы, стремись к посильному и спасительному — отдай всю живую любовь родной стороне. И это благотворно скажется на всем, что бы ты ни делал, принесет радость!

В этом году Некрасовский праздник поэзии будет проходить с 5 до 8 июля.

Александр БОБРОВ,

В ПОИСКАХ ЖИВОЙ ВОДЫ

Василий Белов. ТРИ ПЬЕСЫ. Изд-во «Советский писатель», М., 1983.

В финале драматической трилогии Василия Белова его герои ищут живую воду. Мотив, пришедший в современную литературу из старинной сказки, стал сквозным для творчества писателя; образ родника, светлой реки постоянно встречается в его повестях, рассказах, стихах и пьесах. Этот символ обретает в произведениях художника из Вологды самое расширительное толкование: живая вода — она и правдивое слово, и родная природа, и бессмертная народная душа.

Драматургию В. Белова по-настоящему можно оценить лишь в контексте его лучших произведений — поэтому откроем для начала повесть «Привычное дело». Вот он, его главный образ, возникающий в каждой из трех пьес: «Иван Африканович поглядел, понскал. Метрах в трех от заваленного колодца, где теперь громоздилась земля и камни, он разглядел мокрые комья. Шагнул еще, поднагнул: далеко от прежнего места под глыбами глины светилась на солнце прозрачная холодная вода. Жив, значит, родничок, не умер. Попробуй-ка завали его. Хоть гору земли нагребь, все равно, видно, наверх пробьется...»

Я не оговорился, назвав рецензируемую книгу драматической трилогией. Сам автор воздержался, правда, от жанровых обозначений, но его излюбленные мысли и образы ненавязчиво переходят от лирической драмы «Над светлой водой» к сатирической комедии «По 206-й», затем — к философской сказке «Бессмертный Кошечей». Три час-

ти сборника В. Белова при всех внешних различиях прочно соединены между собой, а смысловые «тяжи» проходят через сердцевину каждой из пьес. В драме, комедии и сказке идут напряженные споры о прошлом и будущем отчей земли, о мудрости человеческой доброты и пагубности раздора, о щедрости русской природы, которую всем нам надо беречь. И в реалистической, и в сказочно-условной форме писатель утверждает: самое страшное на свете испытание для людей — война...

Как последний рубеж своей жизни охраняет старый солдат Федор Касаткин родню Каменку, предназначенную на снос. Вместе с ним — дочь его Даша, соседка Трефена, сын ее Ваня: они твердо знают, что деревня их не случайно поставлена предками над красивой излучиной северной реки. Здесь люди жили больше семи веков и непременно должны вернуться, чтобы строить дома на том же месте («Над светлой водой») ...В северном колхозе «Восход» дружно соседствуют семьи ветерана войны Ивана Степановича и молодого комбайнера Кости Смагина. Если кто из них и затеет ссору, то сам же потом придет виться к соседу. И лучше не вмешиваться в этот отлаженный, устоявшийся быт: всякий нажим, а тем более казенный подход к делу может оказаться не совместимым с живыми человеческими отношениями («По 206-й»). В сказочном северном лесу подле избушки Бабы-Яги сходятся духи земли и воды. Здесь же Кошей заключает договор со Смертью: он получает бессмертие за то, что отрывается от добрых дел, топчет и губит девственную природу, ведет за собой насилие и разоренье («Бессмертный Кошей»).

Ключевые диалоги в каждой из пьес, по сути, переключаются между собой. Вот реплика, брошенная в лицо персонажу драмы «Над светлой водой» проработнице и бюрократке Нине Андреевне: «...Многие просто жаждут борьбы. Потому что они ничто без нее, они есть, пока есть борьба, хотя бы видимость этой борьбы. Потому они так вдохновенно повсюду ищут врагов! Даже под крышей своего дома!» Еще резче давний спор ведется среди сказочных персонажей, метафорическая форма пьесы «Бессмертный Кошей» только укрупняет авторские сентенции. На слова Кошея о необходимости идти на борьбу, перерезать природу (от которой, случается, остаются лишь пеньки) добрый дух леса отвечает: «Да, ты идешь, согласен, но идешь ты, свои ж следы стирая за собою, предвосхищая Смерть и пустоту!»

В комедии «По 206-й» дана развернутая сцена идейной полемики между партийным руководителем района и заезжим журналистом. В ней заявлены этическое кредо Василия Белова, его вера в мудрость выверенного народным опытом жизненного уклада, которому противопоставлены любые формы насилия над природой и человеком. Диалог о нравственных идеалах народа и его творческом начале как бы предупредил появление «Лада» (очерков о народной эстетике), связанного множеством невидимых нитей с драматургическим сборником писателя. В пьесах и публицистике В. Белова его важнейшие идеи заявлены впрямую, писатель стремится рассмотреть в прошлом

народа зримые черты его будущего, запечатлеть для потомков в слове то, чем издревле жили люди на нашей земле.

Все это смыкается с мыслями статьи одного из исследователей творчества В. Белова Игоря Золотусского. «Старая истина, — пишет критик, — но в последние годы она обнаружила себя как новая — так остро почувствовали мы необходимость контакта с прошлым; причем контакта прочного, коренного, основанного на знании, на первоначальном изучении источников. Одним словом, в литературе и сознании появилось и возродилось, говоря словами Пушкина, «уважение к преданию».

И далее, уже в другой работе: «Уважение к преданию» подразумевает уважение ко всему подлинному, что создало до нас искусство... будь то прошлый век или ближайшие десятилетия. Ничто подлинное из созданного ранее не отменяется вновь созданным подлинным. На новом этапе совершается «обновление начала», которое есть связь, передача и непрерывность».

И хотя В. Белов предпочитает говорить не о художниках вообще, а о народе-художнике, тем не менее высказывания и писателя, и критика явно переключаются между собой.

Автор «Привычного дела» знает, насколько близки иногда этические и эстетические категории. В книге «Лад» он устанавливает прямую зависимость между величиной таланта, силой художественного образа и уровнем нравственности. Вот один из главных выводов книги о народной эстетике: «Жизнь нормального человека в нормальных условиях не может быть нетворческой».

И эта мысль почерпнута писателем из опыта поколений родной Тимоницы, она тоже из дедовских преданий, заслуживающих самого полного уважения.

В своих пьесах В. Белов выясняет, в чем же состоят «нормальные условия» и насколько опасно их нарушать, мешая свободному выявлению творческого начала в людях. Писатель поднимает глубокий пласт проблем, важнейшая из которых — проблема верности народному нравственному чувству.

Посмотрим, к примеру, что происходит в пьесе «Над светлой водой», с фабулой которой в общих чертах мы уже знакомы.

Всех героев лирической драмы можно условно разделить, с одной стороны, на коренных жителей Каменки, хозяев и работников на земле (семья Касаткиных, их соседи), а с другой — на «туристов», людей для деревни случайных (семья Смирновых). Вроде бы ничто не предвещает их столкновения: главы семейств, бывший сержант Федор Дмитриевич и полковник в отставке Смирнов, встречаются как старые фронтовые друзья; жители Каменки принимают приезжих радушно и хлебосольно. Но вот Георгий, сын полковника, небрежно роняет словечки «туземцы», «аборигены»; оказывается, молодой человек, привыкший жить на всем готовом, не слишком уважает тех, кто трудится в деревне. Он живо реагирует на Дашу Касаткину, увидев в ней экзотическую поселянку, но безнадежно глух к ее словам: «А знаете, как это здорово?.. Учиться делать что-то! Ну, хотя бы носить воду... Печь хлеб... Молотить в четыре цепа, тре-

пать лен». Нет, сельский труд не для белоручки, привыкшего срывать цветы удовольствия; совсем другое дело — попытаться отбить Дашу у ее жениха Вани, уходящего служить в армию.

Так завязывается сюжетный узел пьесы. Студент-недоучка Георгий становится чуть ли не самой активной фигурой. Но отнюдь не «моралите» на тему перевоспитания недоросля ждет читателей. Георгий вроде бы ищет истину, произносит авторские по смыслу сентенции; он становится оппонентом своей матери, чиновницы районного масштаба Нины Андреевны. Читаешь и диву даешься: все семейство Смирновых спорит, на все лады повторяет слово «совесть», а на деле совершает или покрывает безнравственные поступки. Нина Андреевна, кстати, допекает Федора Касаткина, не давая ему спокойно дожить свой век в Каменке; она угрожает и Даше, лишь бы не дать ей продолжить учебу в институте, лишь бы оставить доярку на ферме.

А что же семейство Касаткиных? Как оно повело себя в сложившихся обстоятельствах? Спокойный и незлобивый старик Федор лишь с улыбкой вспоминает бородачского газетчика, который у него две ночи ночевал, все мед хвалил да и начинжал против гостеприимного хозяина статью. Старый солдат и труженик многое прощает недругам («Ежели все помнить — не жить»). Вот она, истинная мудрость и нравственность: держать зло в душе — большой грех, да и жизнь от зла сокращается. Под стать своему деду юная Даша; удары судьбы она сносит стойчески, от горя не ожесточается, не любит жестокости и в других людях. Не ропщет ни на судьбу, ни на людей и соседка Касаткиных Трефена: под занавес пьесы старая женщина тихо баюкает внука Сашеньку, которому предстоит жить на земле дедов, продолжать добрые дела рода Касаткиных.

Примечательно, что никто из коренных жителей Каменки не вмешивается в мудреные споры гостей: им не надо задаваться вопросами морали или отыскивать истину — все это давно укоренилось в привычном укладе их быта и труда. Люди из народа редко спорят о правде, они предпочитают жить по законам правды.

Финал истории, приключившейся в Каменке, трагичен — старейшина деревни Федор Касаткин умирает. Его последние слова полны надежды и веры: в деревне над светлой водой будут счастливо жить его внуки и правнуки. Хочется и нам поверить в благополучный исход размолвки Даши и Вани, в счастливую судьбу их сына Сашеньки.

Впрочем, драматург слишком усложнил образ Георгия, допустил возможность двойного прочтения роли. В какие-то моменты герою нельзя отказать в стремлении к прозрению, в порыве к новой, праведной жизни, но еще вернее, на мой взгляд, сблизить Георгия с таким классическим персонажем, как Глумов («На всякого мудреца довольно простоты»), — в нем явственно проглядывают черты всеведущего циника. Не лучше ли было бы, если бы слова, итожащие смысл пьесы («Отечество — это

когда есть отцы и есть сыновья»), произнес не Георгий, а старый солдат Федор.

Перечитывая пьесы Василия Белова, часто задаешь себе вопрос: кого из классиков прошлого можно считать его предтечей? Первое имя, приходящее на ум, — А. Н. Островский. Можно смело сопоставить весеннюю сказку «Снегурочка» и «Бессмертного Кошеля». Но дело, разумеется, не столько в сравнении отдельных произведений, сколько в общей направленности двух художников, в их близости народному сознанию. Автор «Грозы» более ста лет назад написал: «Как отказать народу в драматической и тем более в комической производительности, когда на каждом шагу мы видим опровержение этому и в сатирическом складе русского ума, и в богатом, метком языке; когда нет почти ни одного явления в народной жизни, которое не было бы схвачено народным сознанием и очерчено бойким, живым словом; сословия, местности, народные типы — все это ярко обозначено в языке и запечатлено навеки».

И в самом деле, такие персонажи, как знакомая нам Трефена или совсем древняя Секлетинья из пьесы «По 206-й», увиденны автором не иначе, как в самой гуще жизни; их причеты, присказки, соленые словечки рождены самим народом; а вся история «Бессмертного Кошеля» с его кикиморами и русалками подсказана народной фантазией. Примечательно, что В. Белова, до тонкости знающего крестьянский уклад жизни, старинные обычаи и поверья, нельзя назвать бытописателем. Житейские подробности для него — только повод начать творческий разговор, неизбежно выходящий затем на широкие этические и социальные обобщения. В пьесах его всегда присутствуют философские и поэтические раздумья, в них находит свое выражение и сатирический склад русского ума, и бойкое, живое народное слово.

Комедия «По 206-й» заставляет вспомнить трилогию русского драматурга прошлого века А. В. Сухова-Кобылина и прежде всего его пьесу «Дело». История злоключений Кости Смагина, его товарища по несчастью Ивана Степановича чем-то напоминает дело капитана Муромского. На память приходят замечательные слова из пьесы Сухова-Кобылина: «Не можно этому, сударь, быть, чтоб честного человека кто чести лишил».

Здесь я должен оговориться. Поскольку события двух пьес происходят в разные века, в несонмеримые исторические эпохи, сближать их героев можно лишь до определенного предела. Правда, фабула одна: исследуются случаи, когда казенная бумага сильнее живого человека. Но посмотрите: бедолага-капитан был одинок, затравлен, обречен; судьба Смагина, которому тоже грозила судебская ошибка, никого не оставляет равнодушным, включая секретаря райкома партии и председателя колхоза. В. Белов написал острую комедию, где призвал всех нас зорче всматриваться прежде всего в лица людей, а уж затем в параграфы и буквы кодексов; писатель показал на частном примере, что жизнь неизмеримо сложнее всех заведомых представлений о ней.

Наверное, излишне вдаваться в подробности суда над Костей Смагиным, полковником ворот своему соседу и приятелю Ивану Степановичу. Лучше обратим внимание на патетическую сторону комедии, утверждающей веру в человека, в его достоинство.

Возможно, стоит еще раз открыть те страницы пьесы, где идет спор между секретарем райкома партии и «ханьгой»-корреспондентом, отвергающим постоянство жизненных ценностей, требующим хоть какой-нибудь новизны любой ценой. Сколько такта и корректной точности вложил автор в слова партийного руководителя: «...Постоянство — это один из признаков духовного здоровья личности»; «...Постоянство в быту, в культуре не мешает развитию идей и взглядов»; «Ведь передовое не обязательно должно быть новым, а новое отнюдь не всегда является передовым». Сцена эта необычайно важна для понимания идейной сути творчества В. Белова.

Свой рассказ о комедии я завершу монологом Секлетиньи: «Ну, вот и добро. Все на работу ушли. Ребятёчки-ти спят, Одна осталась, а ничего не чуя ушами-то, только когда гармония играет и чую...»

Не правда ли, сколько сочности в выражениях старой деревенской женщины, и сколько здесь покоя перед лицом разумной и гармоничной Природы!

Прежде чем разбирать философскую сказку «Бессмертный Кошечей», я снова беру в руки «Лад». «Народная философия, — пишет В. Белов, — со всеми ее национальными особенностями лучше всего выражена в сказке, причем положения этой философии, звучавшие когда-то просто и ясно, зачастую скрыты от нас... Несомненно, многие сказочные истины, подобно ярчайшим краскам, записанным позднейшими иконописцами, терпеливо ждут своего рождения».

Мне кажется, где и есть ключ к пониманию «Бессмертного Кошечей», где автор пошел по пути переосмысления привычных представлений, по пути поиска самого первого слоя древней легенды. Можно с уверенностью сказать, что В. Белов работал как реставратор, прорываясь в глубь времени, минуя коридоры столетий, стремясь увидеть языческую, дохристианскую Русь свежими очами.

Шумит-шумит над головами девственный северный лес, еще не знакомый с топором, испещренный лишь следами зверей, овеянный лишь вольными ветрами природы. Вот и избушка на курьих ногах, слышен стук ступы, шелест помета, но это никого не пугает. Баба-Яга собирает травы, сушит коренья, готовит отвары, лечит и заговаривает любую хворь. Мир еще не ведает зла. А Яга, пришедшая к нам из времен матриархата, — старейшая, мудрейшая и добрейшая женщина.

Вот оно, первое переосмысление легенды; В. Белов произносит похвальное слово Бабе-Яге, возвращая доброе имя сказочной героине. Другое переосмысление связано с образом бравого Солдата, который обычно в огне не горит, в воде не тонет и всегда побеждает любых врагов. В сказке «Бессмертный Кошечей» Солдат — прежде всего беспринципный наемник, у него даже есть

присказка: «Нам где бы ни служить». Его покупают все, кому ни лень, и толкают на недобрые дела. И третьи: Леший, Водяной, Русалка, Кикиморы — все это вольные духи природы, живущие в добром соседстве друг с другом, не ведающие страха и насилия.

Итак, писатель добирается до изначальных, скрытых от нас сказочных истин, звучащих просто и ясно. И первый слой старинной легенды сверкает вдруг свежестью и новизной: сказка о Бессмертном Кошечее — получает вдруг самое современное, экологическое осмысление. Персонаж, испросивший у самой Смерти неограниченную власть, становится губителем живого, стремится внести во все мертвящую скуку, косность и рутину. Вот образцы немудреной Кошечевой идеологии: «Опасен лик нетронутой природы, еще опасней дух неукрошенный, не знающий границы и порядка, свободный дух таежных босяков»; «Что за народ! Им нужен день вчерашний. Но сколько можно верить в эти басни, вокруг себя не видя ничего?.. Да нет же, нет ни леших, ни русалок! Ни водяных! Ну сколько раз твердить?»

Нет, это не просто слова, не сотрясение воздуха. Это — угроза перестройки мира на особый Кошечев вкус, начало наступления жесткого прагматизма и рационализма, приводящих к всеобщей бездуховности.

В. Белов четко продумал композицию своей пьесы. Ее первая часть — это споры, сентенции; вторая часть — призыв к действию, борьба. Писатель искусно выстроил морально-этическую подоплеку философской сказки, поставив перед читателем вопросы: что лучше — творить зло, быть в тягость земле, но жить; или — совершать благо для людей, исполнять свой земной долг, а затем с чистой совестью умереть? Всем ходом пьесы автор говорит в пользу второго пути — так, по его мнению, будет честнее, прямее. А первый — это путь кривды, кривая дорога подлецов.

В сказке, ясной и чистой, как родниковая вода, все полно философских сентенций, мыслей о природе, о месте человека в ней, о нравственности, без коей невозможно жить в согласии с природой. Думаю, что В. Белов имел право поставить эпитафией к своим пьесам знаменитые гегелевские слова: «Кто с разумом рассматривает природу, на того и она взирает разумно».

Финал сказки фантастогоричен. Сама Смерть отправляется на поле брани пожинать свой чудовищный урожай. Но нет, солнце не потухло, всеобщая гибель не настала. Напротив, добрые духи природы (к ним присоединяется Солдат) встают против Кошечей и Смерти. Автор завершает сказку словами:

«ПОИДУ ИСКАТЬ РОДНИК».

Три простых и удивительных слова поставлены в конце книги Василия Белова. Мне кажется, что произносит их не персонаж пьесы, а сам писатель. Таким я себе представляю его труд — в вечном поиске чистого родникового слова, в поиске живой воды.

Владимир КЛИМЕНКО.